ИЗВЕСТИЯ
г. Москва
12 ИЮН 1971

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИХ БЫЛО ПЯТЕРО...

«А зори здесь тихие...» — такими нежными, добрыми словами назвал спектакль московского Театра драмы и комедии, в котором воют сирены, полыхает огонь зениток, сражаются и гибнут люди.

«А зори здесь тихие...» — это заглавие повести Б. Васильева, трогающей нас каждым своим образом и эпизодом, заглавие истории поначалу даже веселой, а затем трагической, не только правдиво рассказанной, но и глубоко автором выстраданной, а затем воспетой.

И режиссер Юрий Любимов со своим помощником Борисом Глаголиным точно уловили гамму чувств повествования и в своей свободно выстроенной сценической композиции текста нашли хорошую основу для действия, нарастающего от жанровых эпизодов до сцен драматического напряжения.

Спектакль суров, прост и лаконичен. Достаточно сказать, что поначалу местом его действия служит кузов пятитонки — это передвижной дом зенитчиц. Стремительно сменяются кадры, и лентой течет жизнь, боевая и обычная: когда ночное небо исполосовано лучами прожекторов и почти неузнаваемы девичьи голоса — «Огонь!» — и вспыхивают зарницы грохочущих зениток; когда над грузовиком слепящее солнце и, кажется, тот же голос весело командует: «Загорать!» — в миг сброшены кирзовые сапоги и к солнышку протянуты стройные девичьи ноги...

За час подобных контрастных эпизодов зритель насмотрится вволю, а режиссер между тем поверит и залу каждую из девушек, что она становится нам удивительно знакомой и близкой. Потому дорог нам и весь отряд, ставший для этих отторванных войной от дома, мирных дел и учебы девушек новой, пронью спаянной семьей.

Но отряд во всех случаях — это боевая единица с обязательной воинской дисциплиной и требованиями устава, за выполнением чего неусыпно следит старшина Васков. Этот образ во многом примечательный. Можно надеяться, что сыгранный актером В. Шаповаловым Васков войдет в галерею народных характеров советской сцены. Мы говорили о светлых тонах начала спектакля и о его повороте к трагическому. Главная линия этого движения проходит через душу Васкова, поначалу простодушного, несколько растерянного и даже грубоватого, а затем раскрывающего богатейшие качества своей натуры. Есть нечто эпическое в самом душевном складе этого человека, в его слитности с природой, в открытости его внутренней жизни, в его народной мудрости, неотделимой от братской или отеческой доброты. Васков в спектакле — исконно русский характер, но уже советского покроя — и видно это в его полной внутренней свободе воина, в осознанном и даже гордом чувстве ответственности за землю, которую он защищает.

Спектакль как бы тонально сламывается под резкий звук рвущейся струны: в наступившей мгле на сцену спрыгивают устрашающие фигуры диверсантов-гитлеровцев; в один миг кузов грузовика разобран, и его доски, повисшие на тросах, образуют уже лес, который станет местом смертельной схватки. Сюда и входят, чтобы принять неравный бой, старшина с зенитчицами.

Они очень разные — строгая, решительная Рита Осянина (З. Славина и И. Кузнецова), умелая, ладная Лиза Брычкина (М. Полицеймако и Е. Корнилова), поэтичная, разумная Соня Гурвич (Н. Сайко и З. Пылкова), своевольная, отважная Женя Комелькова (Н. Шацкая и Т. Иваненко) и самая младшая из них — фантазерка и девушка Галя Четвертак (Л. Комаровская и Т. Жукова). Но разве этими беглыми словами можно определить характеры девушек, точно и глубоко индивидуализированных автором и воплощенных в своем психологическом каждом варианте каждой из исполнительниц роли? Скажем лишь о главном, они, эта пятерка, — единое целое, и от этого корня рождается сценическая правда — и когда девушки сражаются, и когда они умирают.

Умирают они все, умирают, выполняя долг. Надрывный звук струны, поворот досок, — и сквозь деревья движутся черные фигуры фашистов; еще удар, еще поворот, и по лесу крадутся с автоматами наперевес старшина с девушками... Напряжение нарастает, гибельным становится для незваных русский лес... Но одну за другой настигает смерть и девушки — слишком неравны силы. Предсмертный крик и, как вспышка, последняя мысль, последнее воспоминание — у каждой из героинь свое прощание с жизнью, ее последний луч. Внезапные наплывы, сценические метафоры Ю. Любимова воспламеняют наше воображение, и рождены они святым гневом и великой скорбью...

И эти же трагические чувства наполняют героя спектакля старшину Васкова — В. Шаповалова. Страшно слышат дыхание этого человека, оно готово разорвать его могучую грудную клетку — так дышат гнев и горесть. И солдат Назарьев, в голос рыдает, рыдает и кричит, грозно, страшно кричит, поражая гитлеровцев автоматной очередью. Дорогой ценой досталась победа, но она одержана: враг не прошел!..

Спектакль окончен. Он шел без антракта — два часа двадцать минут — и полностью владел нашими чувствами. Позже, в раздумье и обмене мнениями обнаруживаются в нем отдельные спорные места. И уже безусловно досаден нарочито, «с нажимом» упрощенный водевильный стиль, заданный в роли майора артисту И. Бортнику.

Однако успех достигнут в самом главном — в поэтическом, волнующем воссоздании героических образов минувшей великой битвы. Достигнут добрыми, талантливыми усилиями театра.

Когда мы вышли из зала в фойе, на ступенях лестницы, ведущей вверх, пылали ярким огнем в снарядных гильзах пять факелов...

Правдивое, драматически напряженное повествование о подвиге девушек-воинов, естественно, должно было заинтересовать Центральный театр Советской Армии.

Если можно было бы развернуть панораму спектаклей ЦТСА от «Первой Конной» и «Мстислава Удалого» до постановок последних лет, то сцена театра заполнилась бы сотней, если не тысячью героев, сражавшихся за Родину, и возникла бы поистине эпическая картина истории человека с ружьем, наделенного большим душевным богатством, мужеством и волей, великой преданностью своему народу и страстной ненавистью к врагу...

Эту «большую тему» своего искусства театр ощутил в повести Б. Васильева, и родился спектакль, проникнутый жизненной правдой, добрым юмором и той патетикой чувств, которая неотделима от воспоминаний о героических подвигах времен Отечественной войны.

Режиссер Б. Эрин в сотрудничестве с С. Диматтом выстроил текст постановки, желая создать необычный тип представления, в котором показ и рассказ, непосредственное сценическое действие и его лирическое комментирование органически сосуществуют. Такой замысел, очень близкий форме самой повести, как бы вводит спектакль сразу в два времени: его действие происходит в дни войны, а рассказ о пережитом звучит уже как голос из нашего времени.

По мере того, как усиливается драматический накал спектакля и один за другим следуют героические эпизоды гибели девушек, действие все отчетливей приобретает черты патетической оратории; и тогда исполнительницы ролей пятерых героинь выступают взволнованными рассказчиками о тех былях, которые на наших глазах обретают героический ореол.

...А по началу, кажется, ничто не предвещало трагической судьбы. Девушки-зенитчицы: на сцене театра женский отряд обрисован в очень достоверных тонах, с юмором и даже озорством. Чувствуется, что актрисы ЦТСА из самой жизни берут краски для своих героинь. Пожалеть можно только о том, что режиссер, увлекшись жанровыми эпизодами, не прерывает их тревожными ритмами ночных налетов, и его зенитчицы далеко от зенитов, а спектакль экспонируется в слишком мирных тонах.

Но режиссер прав, когда настраивает начало действия на будничный лад, и передает эту тональность, главным образом, через хмурый и суровый облик старшины Васкова. Андрей Попов — актер большой драматической силы и мягкого юмора, для этой роли отбирает лишь однотонные и сдержанные краски. Видно, что жернова войны прошлись по душе этого человека, это придало образу какую-то большую сосредоточенность, внутреннюю цельность. То, что под его начало вступили девушки, у Васкова вызывает только досаду, и его взгляд становится еще угрюмей... Такая трактовка роли, при всей ее психологической правде имеет и свою теневую сторону: слабо просматривается нарастание контактов между угрюмым старшиной и девушками-зенитчицами. Их сближение происходит только в кульминационные моменты действия, когда смертельная опасность пробуждает незаурядную натуру воина, и он в спектакле нейший момент раскрывается не только в своей воинской отваге, но и в душевной мягкости и человеческом благородстве. А. Попов проводит финальные эпизоды роли с большой драматической глубиной, и мы понимаем, (может быть, несколько запоздало), что за кажущейся примитивностью этой натуры скрывался народный характер, выраженный в лучших национальных чертах.

С покоряющей простотой и задушевностью раскрывает русную натуру девушки-воина и Н. Белобородова в роли Лизы Брычкиной. Ее гибель показана в сценическом действии, и актриса очень сильно, на высокой драматической ноте завершает свою роль. Напрасно только режиссер сопровождает предсмертную мечту Лизы о счастье таким комментарием: ее подружки выходят на сцену, девушка в руках — одна гипсового кота другая горшком герани, а третья длинную фату.

В смелом рисунке ведет роль Женьки Комельковой А. Покровская. Актриса владеет искусством контрастной характеристики. Ее веселая красавица Женька — в то же время глубокая и мужественная натура. Она же выступает как главная исполнительница патетических рассказов о героических делах отряда.

Но и взволнованные слова Женьки Комельковой, и слова ее подруг, сколь горячо они ни были сказаны, все же не создают того драматического напряжения, которое может возникнуть в живом действии. Ослабление драматического накала спектакля происходит еще и потому, что режиссер не очень растревожил свою творческую фантазию показом угрожающей силы немецкого десанта. Мелькающие во мгле одинокие фигуры двух-трех гитлеровцев мало впечатляющи. Грозную силу нашествия передают в большой мере грохочущие ритмы музыки (композитор Г. Фрид) да лихорадочные передвижения панорамы леса (художник Э. Стенберг).

Но спектакль вновь обретает необходимый эмоц[illegible] накала [illegible] завершения действия... На сцене [illegible]ков. Прерывистым, задыхающимся [illegible]сом говорит он о гибели пятерых [illegible]шек, по его щекам стекают слезы; он опускается на колени и дрожащими руками развертывает белый платок, к которому прикреплены пять красноармейских звездочек.

Пять факелов и пять звездочек — такими сходными символами завершаются спектакли Театра драмы и комедии и Центрального театра Советской Армии, столь разные по своему художественному языку, но единые по своей патриотической идее и проникновенному чувству, с которым мы чтим память павших, но вечно живых героев.

Г. БОЯДЖИЕВ.